

Ю.С. КУЧИН

ЭТНИЧЕСКИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
СЛАВЯН ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ IX–XII вв.

в отечественной историографии
(середина XX — начало XXI в.)

МОСКВА • 2017

УДК 93/94
ББК 63.3(2)
К 95

Сведения об авторе:

Кучин Юрий Степанович — кандидат исторических наук

Кучин Ю.С.

К95 Этнические образования славян Восточной Европы IX–XII вв. в отечественной историографии (середина XX — начало XXI в.). — М.: Издательский Дом «Городец», 2017. — 288 с.

ISBN 978-5-906815-99-6

В монографии рассматриваются взгляды отечественных историков на вопросы реконструкции различных элементов этнической структуры славянского населения Восточной Европы «древнерусского» периода ее истории — племенных образований славян и «древнерусской народности», анализируются характерные черты сформировавшихся научных подходов. Особое внимание уделено состоянию теоретической и источниковой базы изысканий в области этнической истории восточноевропейских славян.

УДК 93/94
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-906815-99-6

© Кучин Ю.С., 2017

Оглавление

<i>Введение</i>	4
Глава 1. Теоретическая и источниковая база исследований этнических образований славян Восточной Европы IX–XII вв.	10
§ 1. Развитие источниковой базы научных исследований	10
§ 2. Понятийно-категориальный аппарат исторических исследований этнической проблематики	24
§ 3. Проблема славянских «племен» Восточной Европы в отечественной историографии	53
Глава 2. Славянские племенные образования Восточной Европы в освещении отечественной историографии	73
§ 1. Славянские общности юго-запада в трактовках отечественных историков	73
§ 2. Различные историографические подходы к освещению славянских «племен» юга восточноевропейского региона	98
§ 3. Славянские племенные образования юго-востока в отечественной историографии	115
§ 4. Проблемы общностей кривичей и новгородских словен в трудах отечественных историков	144
Глава 3. Развитие этноисторической концепции «древнерусской народности»	187
§ 1. Становление концепции «древнерусской народности»: середина 1940 — конец 1950 гг.	188
§ 2. Развитие концепции «древнерусской народности» в 1960–1980 гг.	203
§ 3. Проблема «древнерусской народности» в отечественной историографии «постсоветского» периода	216
Заключение	246
Список сокращений	263
Список литературы	264

Введение

Одним из наиболее сложных для научного исследования, но вместе с тем и одним из наиболее важных для понимания исторических судеб восточнославянских народов является «древнерусский» период истории Восточной Европы. В ряду многих стоящих перед исторической наукой вопросов, относящихся к этому этапу отечественной истории, особое место занимает проблема славянских этнических образований восточноевропейского региона.

Время со 2-й пол. XX в. по нач. XXI в. отмечено активизацией изысканий по данной тематике, что явилось следствием повышенного общественного внимания к вопросам этнической истории нашей страны и народов, ее населяющих, а также к роли этнического фактора в общественно-политических процессах исторического развития России. Последовало значительное увеличение числа научных работ, обращенных к этническому аспекту славянского средневековья, расширение круга исследователей проблемы, формирование различных научных направлений и подходов. Научные публикации указанного периода составили основной историографический пласт литературы, посвященной этническим образованиям славян Восточной Европы. Необходимость сведения, изучения и обобщения обширного научно-исследовательского материала, определила выбор темы настоящего монографического исследования.

Ведущая роль исторической науки нашей страны в данном направлении познания прошлого обусловила рассмотрение в монографии отечественной научной литературы: до 1991 г. — советской; после 1991 г. — российской. Вместе с тем в работе имеет место обращение к публикациям зарубежных авторов в тех случаях: а) если этими авторами изучение означенной тематики началось, когда они еще были представителями советской исторической науки, а продолжено уже в рядах иностранного научного сообщества, как правило «ближнего зарубежья»;

б) если работы иностранных авторов имели значение для формирования точек зрения по тем или иным вопросам указанной исторической проблематики¹.

Еще одним критерием отбора историографического материала является публикация работ на русском языке, что определено в значительной степени практической направленностью предлагаемого обзора научной литературы. Таким образом, за рамками настоящего исследования осталась некоторая часть работ «советского» периода, опубликованных в союзных республиках СССР.

Хронологические рамки исторической проблематики, освещаемой исследуемым в монографии историографическим материалом, определены IX–XII вв. — временем существования Древнерусского государства². Принято также во внимание то, что в XIII в. произошло событие, значительно изменившее ход исторического процесса на территории Восточной Европы, — монголо-татарское нашествие. Следствием этого события стали значительные изменения в этнической истории Восточной Европы, что, несомненно, является темой интересной, но в силу ее сложности требующей отдельного рассмотрения.

География исторической проблематики ограничена восточноевропейским регионом, что обусловлено тем, что на этой территории исторического контакта и взаимодействия различных этносов возникло и существовало Древнерусское государство. Данное обстоятельство определило историко-географическое понимание Восточной Европы, локализуемое нами в границах (при всей условности данного понятия для того времени отечественной истории) реконструируемой территории Киевской Руси. Применение в исследовании понятия «Восточная Европа» позволяет, оставаясь в рамках заданной темы, избежать вовлечения в полемику по целому ряду непростых вопросов, относящихся к проблеме древнерусской государственности. Речь идет о вопросах ее генезиса и политической природы, соотношения внутренних и внешних факторов политогенеза, о дискуссиях по

---

¹ Во всех таких случаях обязательными условиями являются: а) публикация работ в России; б) публикация на русском языке.

² За рамками исследования находятся спорные моменты нижней и верхней временных границ существования древнерусского государства. В данном случае принята наиболее распространенная в отечественной исторической науке датировка.

составу территории Киевской Руси, существования среднеднепровского моноцентризма на начальной стадии древнерусской государственности или бицентризма, когда наряду с Киевской землей рассматривается Поволховье и мн. др.

Историографические исследования, в которых в той или иной степени затрагивалась этническая тематика восточноевропейского средневековья, сопровождали процесс научного изучения исторического прошлого нашей страны с самого начала рассматриваемого периода. Отличительной особенностью 1950-х гг. явилось широкое обсуждение в отечественной научной среде концепции единой древнерусской этнической общности — «древнерусской народности», в котором приняли участие многие известные ученые, такие как А.Н. Насонов, Б.А. Рыбаков, М.Н. Тихомиров, Л.В. Черепнин. В 1954 г. А.И. Козаченко был предпринят первый опыт исследования историографии «древнерусской народности», который имел характер краткого экскурса, предваряющего рассмотрение основной темы работы¹. Следует отметить, что данный аспект этнической истории древнерусского средневековья имел относительно регулярное историографическое освещение в нашей стране, что было обусловлено во многом тем, что концепция «древнерусской народности» приобрела в СССР официальный характер. Помимо присутствующих в публикациях по данной тематике обзоров изучения проблемы, предваряющих научное исследование², историография «древнерусской народности» была представлена в работах по историографии Киевской Руси³, а также, хотя и фрагментарно, в академическом издании «Очерков истории исторической науки в СССР»⁴. Отсутствие

¹ Козаченко А.И. Древнерусская народность — общая этническая база русского, украинского и белорусского народов // СЭ. 1954. № 2. С. 3–20.

² См., напр.: Толочко П.П. Этническое и государственное развитие Руси в XII–XIII веках // ВИ. 1974. № 2. С. 53–56; Он же. Древнерусская народность: воображаемая или реальная. СПб., 2005. С. 42–60; Седов В.В. Формирование восточнославянской народности // КСИА. Вып. 198. М., 1989. С. 10; Он же. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М., 1999. С. 9–24.

³ Фроянов И.Я. Древнерусская народность // Советская историография Киевской Руси. Л., 1978. С. 36–42; Он же. Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. Л., 1990. С. 6–29.

⁴ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. V / Гл. ред. М.В. Нечкина. М., 1985. С. 143, 181.

в «Очерках» историографии славянских «племен» восточноевропейского региона и информационная скудность материала по «древнерусской народности» могут быть объяснены только тем, что концепция «Очерков» не предполагала тщательного освещения изучения этнической истории, что, по-видимому, было обусловлено преимущественным вниманием советской исторической науки к вопросам социально-экономических отношений «древнерусского» времени, исследованию различных форм и проявлений классовой борьбы, выявлению свидетельств возникновения и развития феодального строя на Руси. Надо полагать, по той же причине в течение всего «советского» периода истории отечественной исторической науки не было издано отдельного историографического исследования, посвященного этническому аспекту истории славянского населения восточноевропейского региона, в котором были бы обобщены взгляды представителей научного сообщества нашей страны, подведены итоги научно-исследовательской работы в данном направлении, обозначены успехи и недостатки, намечены задачи на будущее.

Некоторая часть историографического материала содержится в предваряющих научные исследования, посвященные проблемам этнической истории народов нашей страны, экскурсах в историю изучения рассматриваемой темы¹. Определенное представление о процессе исследования этнической истории славян можно получить благодаря регулярно размещаемым в «Кратких сообщениях Института археологии Академии Наук СССР» («Кратких сообщениях Института археологии Российской Академии Наук») отчетам о работе секторов этого института, обзорным статьям, посвященным результатам исследовательской деятельности, а также публикуемым материалам научных конференций². Там же можно почерпнуть

¹ См., напр.: Никольская Т.Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М., 1981. С. 6–9; Шмидт Е.А. Кривичи Смоленского Поднепровья и Подвинья (в свете археологических данных). Смоленск, 2012. С. 9–26.

² См., напр.: Работа секторов и групп Института археологии АН СССР // КСИА. Вып. 99. Средневековая археология. М., 1964. С. 111–118; Макаров Н.А. Сектор славяно-русской археологии в 1981–1982 гг. // КСИА. Вып. 179. Славянская археология. М., 1984. С. 97–101.

информацию об опубликованных либо подготавливаемых к публикации научных работах по данной тематике. Историография восточных славян раннего средневековья представлена, хотя и весьма лаконично, в коллективном исследовании истории изучения Киевской Руси советскими учеными¹. В 1982-х гг. в рамках книжной серии «Археология СССР с древнейших времен до средневековья» вышла монография В.В. Седова, вводная часть которой, а также разделы содержат историографию исследуемых этнических образований славян². Сравнительный анализ подходов к разрешению дискуссионных вопросов истории Киевской Руси, в том числе и этнической проблематики, в зарубежной и отечественной историографии был проведен П.П. Толочко³. Определенная историографическая информация присутствует в сопровождающих издание зарубежных источников комментариях, так как в них приводятся различные мнения, имеющиеся в научном сообществе по вопросам этнической интерпретации упоминаемых в памятниках письменности «племен» и «народов»⁴. Следует отметить также обобщающие историографические труды по Киевской Руси, в частности, относительно недавний труд В.В. Пузанова, в котором анализируются проблемы генезиса древнерусской государственности в восточнославянской (российской, украинской, белорусской) историографии⁵. Внимание к данной работе обусловлено тем, что в обзореваемой в ней научной литературе при рассмотрении тематики становления и развития Древнерусской государства затрагиваются вопросы, касающиеся летописных «племен» и «древнерусской народности». Среди историографических исследований последних десятилетий несомненный интерес представляют опубликованные в России работы Н.Н. Юсовой, посвященные генезису концепции «древ-

¹ Гадло А.В. Восточные славяне, Русь и неславянские племена Восточной Европы // Советская историография Киевской Руси. Л., 1978. С. 43–60.

² Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.

³ Толочко П.П. Спорные вопросы ранней истории Киевской Руси // Славяне и Русь (в зарубежной историографии): Сб. науч. тр. Киев, 1990. С. 100–108.

⁴ См., напр.: Константин Багрянородный. Об управлении империей (текст, перевод, коммент.) / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1989; Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II (VII–IX вв.). М., 1995.

⁵ Пузанов В.В. Образование Древнерусского государства в восточноевропейской историографии: учебное пособие. Ижевск, 2012.

нерусской народности»¹, а также происхождению и становлению термина «древнерусская народность»².

Таким образом, в научной литературе в той или иной мере представлена историография этнических образований славянского населения Восточной Европы IX–XII вв. Вместе с тем нельзя сказать, что накопленный за это время фонд научных исследований получил должное историографическое освещение. В то время, как сам процесс изучения обозначенной тематики интенсифицировался и происходило активное накопление материала, историография средневековых восточноевропейских этнических образований славян не стала предметом отдельного исследования, публикация историографических обзоров не была регулярной, значительная часть научного наследия еще требует тщательного изучения. Учитывая степень изученности темы, цель настоящего монографического исследования заключается в том, чтобы на основании имеющейся научной литературы всесторонне проанализировать освещение отечественной историографией 2-й половины XX в. — начала XXI в. этнических образований славян Восточной Европы IX–XII вв.

---

¹ Юсова Н.Н. Н.Н. Петровский и генезис концепции древнерусской народности // Вестник Челябинского государственного университета. Серия 1. История. 2005. № 2. С. 63–70; Она же. Научная легитимация концепции древнерусской народности: вклад Л.В. Черепнина // Вестник Удмуртского университета. Серия: история. 2006. № 7. С. 3–25; Юсова Н.Н., Юсов С.Л. Первые дискуссии в академической среде по проблеме древнерусской народности (начало 1950-х гг.) // Там же. Серия 5: история и филология. 2010. Вып. 3. С. 92–98.

² Юсова Н.Н. Легитимация понятия «древнерусская народность» в полемике советских историков конца 1940-х — начала 1950-х гг. // Историк в меняющемся пространстве российской культуры. Челябинск, 2006. С. 77–87; Она же. Идеиная и терминологическая генеалогия понятия «древнерусская народность» // *Rossica antiqua*. 2010. № 2. С. 3–53.

Глава 1

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЙ ЭТНИЧЕСКИХ ОБРАЗОВАНИЙ СЛАВЯН ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ IX–XII вв.

Развитие научных взглядов отечественных историков на этнические образования славян Восточной Европы IX–XII вв. невозможно рассмотреть вне контекста развития теоретической (понятийно-категориальной) и источниковой базы исследований обозначенной проблематики. Поэтому представляется целесообразным начать с главы, посвященной данным вопросам. Предлагаемый обзор не претендует на охват всего научного материала, подробное изложение хронологии и фактологии. В нашем случае важно представить общую картину исследовательской работы в указанных областях научного познания.

§ 1. Развитие источниковой базы научных исследований

Первоначально этногенетические исследования славянского населения средневековой Восточной Европы базировались в основном на сведениях, почерпнутых из **письменных источников**. Традиционно широко для решения задач, поставленных в процессе научных изысканий в данном направлении, привлекались древнерусские памятники письменности. Главным образом, это были летописи, издание которых осуществлялось с 1841 г. в рамках Полного собрания русских летописей. Немаловажное значение имели также свидетельства, содержащиеся в летописных сводах, публикация которых состоялась вне означенной серии¹.

---

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950; Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец) / Подготовка к печати и редакция К.Н. Сербиной. М.; Л., 1950.

Данные летописей легли в основу исторической реконструкции этногеографической картины восточноевропейского региона, определили подходы к установлению мест расселения различных славянских племенных образований, позволили связать их с археологическим и лингвистическим материалом. Отправной точкой изучения этнических общностей славян Восточной Европы IX–XII вв. во всем их многообразии является этнонимия летописных источников. Вместе с тем со всей очевидностью перед отечественной исторической наукой встал вопрос расширения источниковой базы, так как информационный ресурс летописных памятников практически исчерпан. За все время кропотливого труда исследователей древнерусского письменного наследия в научный оборот введено уже более двухсот списков летописей¹, и появление нового летописного источникового материала, который смог бы существенно «обогащать» свидетельскую базу «древнерусского» пласта истории, представляется маловероятным. Тем значимее для исторической науки было крупнейшее научное открытие XX в. — обнаружение в 1951 г. в Новгороде в ходе археологических раскопок под руководством А.В. Арциховского берестяных грамот, тексты которых явились новым, до этого не имевшимся в распоряжении ученых источниковым материалом по истории средневековой Руси².

Хотя информативная ценность грамот на бересте для исследований этнического аспекта истории восточноевропейских славян с точки зрения содержания их текстов пока не очень высокая, введение данной группы исторических источников в научный оборот, как представляется, существенно повлияло на выводы исследователей этнической истории северо-запада Восточной Европы. Влияние было опосредованным — через данные лингвистического анализа текстов берестяных грамот. Так, заключение А.А. Зализняка о том, что древненовгородский диалект имеет восходящие к древности отличия от других восточносла-

---

¹ Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М., 1998. С. 171.

² Арциховский А.В. Археологические открытия в Новгороде // Вестник Академии Наук СССР. 1951. № 12. С. 60–69; Он же. Новые открытия в Новгороде // ВИ. 1951. № 12. С. 77–87.

вянских диалектов¹, стало во многом решающим аргументом в утверждении в отечественной историографии позиции о «западном» пути славянского заселения восточноевропейского Северо-Запада и присутствии определенных этнических отличий новгородско-псковского и среднеднепровского славянства.

На повышение информационного потенциала письменной компоненты источниковой базы была направлена работа по изучению, переводу на русский язык и публикации памятников письменности иностранного происхождения, за счет которых в основном произошло расширение круга письменных источников, что определило особенность развития источниковой базы исторических исследований во 2-й пол. XX в. — нач. XXI в. По сути, заново были «открыты» для исследователей прошлого нашей страны скандинавские источники, перевод которых на русский язык охватил произведения всех основных жанров, начиная от саг, географических сочинений и анналов и заканчивая таким специфическим источником как рунические надписи. Особый интерес к скандинавским письменным источникам как со стороны источниковедов, так и стороны историков обеспечил введение в научный оборот основной (если не почти всей) части скандинавских произведений, в которых содержатся сведения по средневековой истории Восточной Европы². Последнее ут-

¹ См.: Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995; Он же. Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004.

² См., напр.: Исландские саги / Редакция, вступительная статья и примечания М.И. Стеблин-Каменского. М., 1956; Старшая Эдда. Древнескандинавские песни о богах и героях / Пер. А.И. Корсуна. Редакция, вступительная статья и коммент. М.И. Стеблин-Каменского. М; Л., 1963; Младшая Эдда / Издание подготовили О.А. Смирницкая и М.И. Стеблин-Каменский. Л., 1970; Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи (тексты, перевод, коммент.) / Отв. ред. В.Т. Пашуто. М., 1977; Скандинавская баллада / Издание подготовили Г.В. Воронкова, Игн. Ивановский, М.И. Стеблин-Каменский. Л., 1978; Поэзия скальдов / Издание подготовили С.В. Петров, М.И. Стеблин-Каменский. Л., 1979; Снорри Стурлусон. Круг Земной / Издание подготовили А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980; Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения (тексты, перевод, коммент.) / Под ред. В.Л. Янина. М., 1986; Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о Северной Руси (тексты, перевод, коммент.) / Отв. ред. В.Л. Янин. М., 1996; Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (тексты, перевод, коммент.) / Издание второе, в одной книге, исправленное и дополненное. Отв. ред. В.Л. Янин. М., 2012.

верждение с полным правом применимо к византийским нарративным и историческим памятникам, в которых содержится пусть даже отрывочная и малосодержательная информация, представляющая интерес для реконструкции этнической истории Восточной Европы и Руси¹. Отмечаемые в сер. XX в. трудности в изучении византийских памятников письменности² были успешно преодолены, и в настоящее время перед византиноведением стоят задачи анализа введенных в научный оборот источников и расширения их круга за счет актового материала. Значительные результаты были достигнуты в пополнении корпуса восточных источников. Основная часть данных памятников письменности, сведения которых могут пролить свет на этническую историю Восточной Европы, среди которых географические, исторические и даже эпистолярные произведения, переведена на русский язык и сопровождается историко-филологическим комментарием³. Впечатляющими следует при-

¹ См., напр.: Анна Комнина. Алексиада / Вступительная статья, перевод, коммент. Я.Н. Любарского. М., 1965; Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI в. / Подготовка текста, введение, перевод и коммент. Г.Г. Литаврина. М., 1972; Михаил Пселл. Хронография / Перевод, статья и прим. Я.Н. Любарского. М., 1978; Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора (тексты, перевод, коммент.). М., 1980; Лев Диакон. История / Перевод М.М. Копыленко, статья М.Я. Сюзюмова, коммент. М.Я. Сюзюмова, С.А. Иванов. Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1988; Бибииков М.В. Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы (тексты, перевод, коммент.) / Под ред. В.Т. Пашуто. М., 1997; Он же. BYZANTINOROSSICA: Свод византийских свидетельств о Руси. I. М., 2004; Он же. BYZANTINOROSSICA: Свод византийских свидетельств о Руси. Нарративные памятники. II. М., 2009; Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей / Изд. подг. Я.Н. Любарский. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009.

² От редакции // Византийский Временник. Т. I (XXVI). М., 1947. С. 4.

³ См., напр.: Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956; Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX–X вв. М., 1962; Он же. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы и славяне. М., 1967; Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI вв. М., 1963; Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / Публ. О.Г. Большакова и А.Л. Монгайта. М., 1971; Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Пер. с араб., коммент., исслед., указ. и карты Н. Велихановой. Баку, 1986; Калинина Т.М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. Тексты, перевод, коммент.. М., 1988; Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. Текст, перевод, коммент. М., 2006; Она же. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. Текст, перевод, коммент. М., 2009.

знать успехи в расширении круга западных источников, хотя публикации ожидает еще немалая часть восточноевропейских сведений данной группы памятников¹.

Признавая несомненную роль содержащейся в зарубежных письменных источниках информации в освещении значительного числа вопросов средневековой восточноевропейской истории и воссоздании этнической картины данного региона, необходимо отметить вместе с тем, что привлечение отечественной исторической наукой сведений данной группы источников для изучения этнических образований славянского населения Восточной Европы в IX–XII вв. представляет немалую сложность. Прежде всего следует указать на трудности перевода их на русский язык, особенно, употребляемой этнической и географической терминологии, следствием чего является различное ее толкование. Наиболее эффективным методом изучения этнического аспекта сведений зарубежных источников представляется терминологический анализ, основанный на информации не только исследуемого памятника, но и других разноязычных письменных источников. Другой проблемой данного рода источников является фрагментарность содержащихся в них сведений о Восточной Европе, отсутствие в большинстве из них более или менее цельной этнической картины региона. Наиболее значимым сочинением для исторической науки нашей страны при изучении этнического аспекта истории славян Восточной Европы в «домонгольский» период по-прежнему являются сочинения Константина Багрянородного, объединенные общим названием ««Об управлении империей»»². В данном источнике

¹ См., напр.: Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия: IX — первая половина XII в. / Составление, перевод, коммент. М.Б. Свердлова. М.; Л., 1989; Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия: середина XII — середина XIII в. / Составление, перевод, коммент. М.Б. Свердлова. М.; Л., 1990; Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков (тексты, перевод, коммент.) / Отв. ред. В.Л. Янин. М., 1993; Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. Т. IV. Западноевропейские источники. Сост., пер. и коммент. А.В. Назаренко. М., 2010.

² Константин Багрянородный. Об управлении империей (текст, перевод, коммент.) / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1989. Выход этого сочинения предвзяла публикация значительной части его текста в коллективном научном труде, посвященном этническому самосознанию славянских народов. См.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху

содержится наиболее полный из всех византийских памятников объем сведений по истории восточноевропейских славянских общностей.

Необходимо также принять во внимание чуждость для авторов иностранных источников описываемого восточноевропейского «мира», и, следовательно, проявляемую в некоторых случаях предвзятость, необъективность, а сплошь и рядом даже непонимание далеких от них территориально и ментально народов этого региона. Кроме того, свидетельства зарубежных памятников отягощены сложившимися в местах их происхождения своими стереотипами описания Восточной Европы. Имеются также проблемы атрибуции, датировок источников и т.п.

При привлечении для изучения этнического аспекта раннесредневековой истории Восточной Европы сведений византийской группы источников присутствует необходимость учета отмечаемых византинистами особенностей этих произведений. Например, такого явления, как архаизация употребляемой византийскими авторами этнической терминологии по отношению к народам Восточной Европы. Также на уровень информативности византийских памятников влияют литературные принципы жанров произведений, традиции, законы и выражения в соответствии с требованиями общественного и художественного этикета Византии того времени. Исследователи отмечают еще одну особенность византийских наименований народов, когда при риторическом стиле повествования этнонимы заменяются описательными выражениями: «северный», «западный» и т.п. Это порождает многочисленные дискуссии при изучении населения Восточной Европы, определении ее этнического состава, так как в историческом сообществе присутствует различное толкование этнонимов, имеющих в византийских произведениях.

Следует констатировать недостаточность сведений скандинавских памятников, относящихся к восточноевропейской истории, их отрывочность и разрозненность. Также присутствует проблема достоверности сообщений основного вида данной группы источников — саг. Кроме того, события, отраженные в сагах, связаны в большей своей части с теми скандинавами, ко-

---

раннего средневековья. М., 1982. С. 269–333. В 1991 г. вышло 2-е издание книги. См.: Константин Багрянородный. Об управлении империей (текст, перевод, коммент.) / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. 2-е изд. М., 1991.

торые были либо исландцами, либо «норвежцами», тогда как с восточноевропейским регионом принято связывать «шведов» и «датчан». Поздний характер подавляющего большинства скандинавских памятников письменности делает необходимым привлечение содержащихся в них сведений, относящихся к более раннему периоду, лишь при условии сопоставления с данными других письменных и иных источников¹.

Поэтому при всем информационно богатом потенциале иностранных источников следует признать, что содержащийся в них материал, относящийся к этнической истории Восточной Европы, не в полной мере удовлетворяет исследовательские запросы отечественной историографии. Использование сведений зарубежных памятников о восточноевропейских славянских общностях без опасения неверной их интерпретации возможно лишь с учетом изучения их контекста, а также в сопоставлении со свидетельствами других исторических источников.

Ограниченность информационной базы памятников письменности по этногенетической тематике сделала еще более актуальным выявление и изучение других видов исторических источников, и прежде всего **археологических (вещественных) источников**. Благодаря постоянным и систематическим раскопкам, интенсивно ведущимся с 1950-х гг., произошло значительное увеличение археологической составляющей в источниковом фонде отечественной науки, что повлекло за собой активное привлечение материалов археологии при решении этногенетических проблем истории восточноевропейского средневековья. Возобладала тенденция преимущественного обоснования научных выводов археологическим материалом. В изучении проблематики этнических общностей и этнических

---

¹ См.: Стеблин-Каменский М.И. О реализме исландских саг // Тезисы докладов второй научной конференции по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии. М.: Институт истории СССР Академии Наук СССР, 1965. С. 4–5; Глазырина Г.В. Саги о древних временах как исторический источник. (Постановка проблемы) // Великий Октябрь и всемирно-исторический процесс. Тезисы докладов научной конференции. М.: Институт истории СССР Академии Наук СССР, 1977. С. 236–238; Джаксон Т.Н. Скандинавский конунг на Руси: (о методике анализа сведений исландских королевских саг) // Восточная Европа в древности и средневековье: Сборник статей. М.: Наука, 1978. С. 289–295; Она же. Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей. X–XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1988–1989. М.: Наука, 1991. С. 5–169.

процессов восточноевропейского региона возникло доминирование представителей археологического сообщества, продлившееся весь «советский» период истории этногенетических исследований¹. Археология дала отечественной науке ведущих специалистов в области этногенетических исследований прошлого славянских народов П.Н. Третьякова, И.И. Ляпушкина, М.И. Артамонова, В.В. Седова и мн. др.

Вместе с тем использование археологических источников для изучения этнической истории славян Восточной Европы не лишено трудностей. Помимо того, что археологические материалы в силу их специфики не всегда этнически однозначно интерпретируются и далеки еще от систематического осмысления и обобщения, в археологии обозначились дискуссионные вопросы фундаментального характера. Таковым является вопрос понимания археологической культуры, определения количества и качества ее признаков². Вопрос тем более значимый для этногенетических исследований, что именно различные археологические культуры становились определяющим свидетельством либо этнической идентификации населения (как это было, например, с кривичами), либо этнического родства и общности происхождения славянских этнических образований (как это было с «племенами», вышедшими, по мнению В.В. Седова, из «дулебской» общности), либо ареала расселения (например, те же «кривичи»). Одним из наиболее острых и спорных был (и остается) вопрос о соотношении археологических культур и этнических общностей³, хотя и решаемый во многих

¹ Небезынтересным является замечание Ф.П. Филина, оспаривавшего такую «монополию»: «Вопросы этногенеза славян стали почти безраздельной монополией археологов, хотя по своему существу они являются прежде всего лингвистическими». См.: Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962. С. 3.

² См.: Третьяков П.Н. Этногенетический процесс и археология // СА. 1962. № 4. С. 3–16; Смирнов А.П. К вопросу об археологической культуре // СА. 1964. № 4. С. 3–10; Каменецкий И.С. Археологическая культура — ее определение и интерпретация // СА. 1970. № 2. С. 18–36; Клейн Л.С. Проблема определения археологической культуры // Там же. С. 37–51; Аникович М.В. Археологическая культура: последствия определения понятия для процедуры археологического исследования // СА. 1989. № 4. С. 115–127.

³ См., напр.: Брюсов А.Я. Археологические культуры и этнические общности // СА. XXVI. М., 1956. С. 5–27.; Третьяков П.Н. Этногенетический процесс и археология.

исторических исследованиях положительно. В то же время как крайнее выражение критического подхода к решению данной проблемы выступает отрицание возможности отождествления археологической культуры с этнической общностью, что, несомненно, не только исключает определяющее значение археологического материала в этногенетических построениях, каким оно представляется в значительной части научной литературы, но и ставит вопрос о самой возможности применения археологических источников при исследованиях этнического аспекта человеческой истории. В тесной связи с указанной проблемой находится проблема признания археологических источников историческими¹. В 1980-х гг. критике подверглась сформировавшаяся в отечественной науке практика, когда в рамках археологии осуществлялся не только сбор и обработка древностей, но также этническая их интерпретация, исследование исторических явлений и процессов, относящихся, в том числе и к этническим образованиям, с преимущественной опорой на археологические источники. В ходе дискуссии, развернутой на страницах «Советской археологии» по предмету археологии², Л.С. Клейн высказал мнение, что только одна наука («та, что ведает письменными источниками») — история вправе реконструировать весь исторический процесс³.

Несмотря на имеющиеся разногласия по фундаментальным вопросам использования археологических материалов в исторических изысканиях, а также трудности, связанные с обобщением и систематизацией результатов археологических

¹ См., напр.: Клейн Л.С. Вопросы происхождения славян в сборнике докладов VI научной конференции Института археологии Академии Наук УССР // СА. XXII. М., 1955. С. 270–271; Захарук Ю.Н. Об одной концепции археологического источниковедения // СА. 1983. № 3. С. 72–81; Буравский А.М. О характере археологических источников // СА. 1991. № 2. С. 115–119.

² См.: Клейн Л.С. О предмете археологии (в связи с выходом книги В.Ф. Генинга «Объект и предмет науки в археологии») // СА. 1986. № 3. С. 211–212; Он же. В защиту «чистой археологии» // СА. 1991. № 2. С. 102–110; Гражданников Е.Д., Холюшкин Ю.П. Системное решение вопроса о статусе археологии как науки (к дискуссии о предмете археологии) // Там же. С. 111–114; Генинг В.Ф. Археология — целостная научная система или «дилетантские вылазки» и «полуфабрикат знания»? (По поводу концепции объекта и предмета археологии Л.С. Клейна) // СА. 1989. № 3. С. 215–228; Захарук Ю.Н. Археология: наука историческая или источниковедческая? // Там же. С. 207–214.

³ Клейн Л.С. О предмете археологии... С. 211–212.

раскопок, их этнической интерпретацией, данные археологии сохраняли за собой в научной литературе нашей страны во многом определяющее значение, что является особенностью использования источниковой базы во 2-й пол. XX в. — нач. XXI в. при изучении этнического аспекта средневековой истории Восточной Европы. Расширение географии археологических источников имело своим следствием в целом ряде случаев изменение взглядов исследователей на этнические вопросы, изменение этнической атрибуции археологического материала в научной литературе, что порождало новые научные гипотезы, расширяя, таким образом, количество версий этнической оценки общностей Восточной Европы.

По мере накопления источникового материала возникла насущная необходимость приведения всего фонда выявленных источников в строгую и стройную систему, которая бы позволила наиболее эффективно использовать информационный материал письменных и вещественных памятников. В части археологических материалов начало их систематизированному изданию было положено в конце 1950-х гг. В опубликованной в 1957 г. работе Б.А. Рыбакова «О Корпусе археологических источников СССР» была намечена программа такого издания, получившего в последующем наименование «Археология СССР. Свод археологических источников», предложены тематика выпусков (всего около 300 названий) и разбивка материала на серии¹. Начиная с 1961 г. археологические источники публиковались в данном Своде, а также других последовавших позднее аналогичных изданиях достаточно регулярно². Системную роль в издании письменных источников выполняли (и выполняют в значительной степени и в настоящее время) книжные серии. Вместе с тем порядок публикации памятников в каждой серии различается, единой общей системы книжные серии не образуют. В начале 70-х гг. XX в. в историческом сообществе нашей страны были намечены структура и программа единого издания всех «древнейших письменных источников по

¹ Рыбаков Б.А. О Корпусе археологических источников СССР (Тезисы доклада на пленуме ИИМК в марте 1957 г.). М., 1957.

² См., напр.: Русанова И.П. Курганы полян X–XII вв. САИ. Вып. Е1–24. М., 1966; Она же. Славянские древности VI–IX вв. между Днепром и Зап. Бугом. САИ. Вып. Е1–25. М., 1973; Седов В.В. Новгородские сопки. САИ. Вып. Е1–08. М., 1970; Он же. Длинные курганы кривичей. САИ. Вып. Е1–08. М., 1974.

истории народов СССР»¹. Как основной принцип группировки был предложен тематический, подразумевающий существование трех серий, две из которых содержали собственно источники: повествовательные и правовые, а третья — объединяла бы научные исследования. В свою очередь, внутри первых двух серий предлагалось весьма подробное и тщательно разработанное деление всего источникового материала, облегчающее поиск и изучение необходимых исследователю сведений, содержащихся в памятниках письменности. Таким образом, как нам представляется, достигалась бы главная цель источниковедения — решение задачи эффективного обеспечения археографической основы исторических исследований. К сожалению, по состоянию на сегодняшний день порядок публикации письменных памятников в нашей стране так и не принял единообразной формы. В части структуры публикаций памятников письменности предложенный подход был реализован только в рамках серии «Древнейшие источники по истории народов СССР» («Древнейшие источники по истории народов Восточной Европы»)².

Расширение источниковой базы отечественной исторической науки произошло также благодаря данным лингвистики, этнографии, антропологии. Изучение **антропологических материалов** позволяет получить некоторые сведения о происхождении и процессе формирования этнических обществ, удельном весе субстратных и суперстратных компонентов, о взаимоотношениях различных народов³. Во 2-й пол. XX в. —

---

¹ См.: Корпус древнейших источников по истории народов СССР. Материалы совещания археографов-медиевистов РСФСР 11–12 апреля 1972 г. / Под ред. В.Т. Пашуто и Я.Н. Шапова. М., 1973; Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Чичуров И.С., Шапов Я.Н. Итоги и задачи изучения истории древнейших государств нашей страны // История СССР. 1974. № 2. С. 71–93; Пашуто В.Т., Рыбаков Б.А. О корпусе древнейших источников по истории народов СССР (материалы к обсуждению). М., 1974; Пашуто В.Т., Рыбаков Б.А. Корпус древнейших источников по истории народов СССР // ВИ. 1974. № 7. С. 49–54.

² См., напр. один из первых выпусков: Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора (тексты, перевод, коммент.). М., 1980.

³ См., напр.: Дебеч Г.Ф., Левин М.Г., Трофимова Т.А. Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза // СЭ. 1952. № 1. С. 22–35; Цветкова Н.Н. Антропологический материал как исторический ис-

нач. XXI в. исследовательская деятельность в области антропологии велась по всему спектру этнического многообразия восточноевропейского региона, охватывая славянское и финно-угорское население, балтов, население степных районов. Основным направлением являлось определение физического типа населения Восточной Европы раннего средневековья и его происхождения, а также дифференциация различных этнических общностей по антропологическому облику¹. Изучение соотношения ареала распространения определенного антропологического типа и этнического ареала представляло собой еще одно направление антропологических исследований². Значительная часть работ была посвящена славянскому населению, хотя физический облик его представителей становится известным только с X в. после исчезновения погребального обряда трупосожжения³. Более ранним антропологическим материалом по славянам наука не располагает. Тем не менее антропологами решались те же задачи, что стояли перед историками и археологами, а именно, разработка проб-

---

точный // Славяне. Этногенез и этническая история. (Междисциплинарные исследования). Л., 1989. С. 18–25; Алексеев В.П. Историческая антропология и этногенез. М., 1989.

¹ См., напр.: Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы (Краниологическое исследование). М., 1969; Алексеева Т.И. Славяне и германцы в свете антропологических данных // ВИ. 1974. № 3. С. 58–67; Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский М.Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М., 1987.

² См., напр.: Рычков Ю.Г., Балановская Е.В. Обобщенный картографический анализ в антропологии. Отражение летописных славянских племен в антропологической географии современного русского населения // Вопросы антропологии. 1988. Вып. 80. С. 3–37.

³ См., напр.: Седов В.В. Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода // Краткие сообщения Института этнографии. 1952. Вып. XV. С. 72–85; Он же. Славянские курганные черепа Верхнего Поднепровья // СЭ. 1954. № 3. С. 12–18; Он же. Славяне среднего Поднепровья (по данным палеоантропологии) // СЭ. 1974. № 1. С. 16–31; Алексеева Т.И. Антропологические материалы к этногенезу восточных славян // СА. 1964. № 3. С. 88–103; Она же. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973; Великанова М.С. К антропологии средневековых славян Прутско-Днестровского междуречья // СЭ. 1964. № 6. С. 37–53; Дяченко В.Д. Антропологический состав средневековых восточных славян // Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас. М., 1986. С. 234–242; Восточные славяне. Антропология и этническая история. 2-е изд. / Отв. ред. Т.И. Алексеева. М., 2002.

лематики генезиса восточных славян, изучение взаимосвязей различных славянских этнолингвистических образований, исследование контактов славян и других этнических групп. Особенностью антропологических данных как исторического источника является исключительная возможность их привлечения для решения вопросов этногенеза и этнической истории специалистами в области антропологии, так как в исследованиях в данной области используются специфические методики и приемы. Если в части применения археологических источников существовали различные взгляды на степень участия археологии в реконструкции исторических процессов, то для антропологов подобная постановка вопроса была бы, скорее всего, неуместна, так как без специальных познаний антропологические исследования без ущерба для правильности и объективности выводов производить было бы невозможно. Антропологический материал предполагает расовую и этническую его идентификацию, а сами исследования в области антропологии, как правило, имели своим конечным результатом не только введение в научный оборот данных антропологии, но и их этническую интерпретацию¹.

Еще одним научным направлением исследований, открывшим новые возможности для изучения этнического аспекта истории Восточной Европы, стала геномика, появление которой связано со стремительным прогрессом в области молекулярной генетики человека в последние годы XX в. — начале XXI в. Если ранее многочисленные данные о структуре генофонда той или иной популяции накапливались в основном благодаря изучению традиционных так называемых классических маркеров (например, группы крови), то теперь важным и весьма информативным материалом для генетиков стали ДНК-маркеры, являющиеся новейшим эффективным инструментом для анализа генетических особенностей народов и реконструкции их исторических взаимоотношений. Возник

---

¹ Такая специфика данного источника имела своим следствием формирование точки зрения о существовании «нового раздела науки» — «исторической антропологии», которая «по существу является историей, базирующейся на антропологическом материале». См.: Цветкова Н.Н. Антропологический материал как исторический источник. С. 24–25.

специальный раздел геномики — **этническая геномика (этногеномика)**. Исследования в этой области в Российской Федерации начались сравнительно недавно, но дали уже определенные результаты¹. Также как и антропология, этногеномика своими средствами научного исследования стремится получить ответы на следующие вопросы: «Какие племена и народы составили основу нашего генофонда? Какие потоки нашествий прошли, как волна над головой, не оставив и следа в генофонде? И какие миграции — часто нешумные и почти не отмеченные в памяти народов — определили многие черты современного генофонда?»². Наиболее эффективным для всестороннего анализа геномных маркеров признан геногеографический подход, «позволяющий с наибольшей убедительностью определить внутри- и межпопуляционные параметры изменчивости маркеров, выявить основные тенденции их пространственной динамики и приблизиться к выявлению основных микроэволюционных факторов, сформировавших современный генофонд, к анализу истории популяций и народов»³.

Таким образом, в течение 2-й пол. XX в. — нач. XXI в. происходило накопление источникового материала, необходимого для дальнейшего развития исследований проблематики этнических образований славян Восточной Европы IX–XII вв., сопровождавшееся формированием в отечественной науке различных взглядов на проблему использования источников.

---

¹ См., напр.: Лимборская С.А., Хуснутдинова Э.К., Балановская Е.В. Этногеномика и геногеография народов Восточной Европы. М., 2002; Степанов В.А. Этногеномика населения Северной Евразии. Томск. 2002; Балановская Е.В., Балановский О.П. Русский генофонд на Русской равнине. М., 2007; Балановская Е.В. Генофонд народов Северной Евразии: внутренняя структура и положение в мировом генофонде // Антропология на пороге III тысячелетия. М., 2004. С. 358–390; Хуснутдинова Э.К. Этногеномика и генетическая история народов Восточной Европы // Вестник Российской Академии Наук. Т. 73. 2003. № 7. С. 614–621; Малярчук. Б. Следы балтийских славян в генофонде русского населения Восточной Европы // The Russian Journal of Genetic Genealogy (Русская версия). Т. 1. 2009. № 1. С. 23–27.

² Балановская Е.В., Балановский О.П. Указ. соч. С. 9.

³ Лимборская С.А., Хуснутдинова Э.К., Балановская Е.В. Этногеномика и геногеография... С. 5.